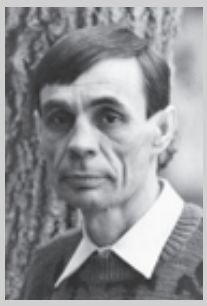
Поэзия

«Замедленная раскадровка августа...»

Борис Емельянович Попов (1946–1996) – российский поэт, журналист, автор четырёх книг стихов. Жил в Магнитогорске. Учился в Литературном институте имени А. М. Горького, куда поступил по рекомендации Бориса Ручьёва. Один из самых ярких талантов литературной Магнитки.



Борис Попов

* * *

Евгению Терлецкому

Замедленная раскадровка августа –
воспоминание, напоминание,
письмо туманное без подписи,
без адреса,
без обращения и знаков препинания.
Окно распахнутое,
горн и горло города,
бензинный запах сладковатый,
обязательный.
...Письмо, написанное зло,
коряво, коротко,
но вместе с тем влюблённо
и признательно.
Там яблоки в ночи без ветра
падают,
а если ветер вертанёт –
вовсю закрутятся.
Ах, молодая,
объяснять мне долго надо ли, –
что ничего у нас с тобой,
увы, не сбудется!
Но тянет тени и зовёт
любовный промысел,
и ревность бьёт в колокола,
рождая молнии.
Всё это так, всё это так,
но это прописи,
а что таится в глубине –
мы не запомнили.
Язык наш тёмен и тяжёл.
Литературщина
сбивает с ног и не таких.
Но очи осени
следят внимательно –
а где, а где натурщица?
Она, конечно, есть, жива,
её не бросили.
Суха палитра у меня. Сухое дерево
плодов не даст. В конце концов,
запьёт и трезвенник.
Но слава Богу,
что ещё не всё потеряно,
а что потеряно уже –
то и отрезано.

Замедленная расшифровка дня...
К кому, куда ещё?
Нависла туча и висит,
подобно кочету.
Живу на свете как могу.
Ищу товарища.
А вот поди-ка ты узнай его
по почерку!

* * *

Телеграфные новости дня:
план на грани перевыполненья,
пуск конвертера, всплески огня,
нефтяные фонтаны Тюмени.
Амплитуда предпраздничных тем.
Из-под спуда восставшие тени.
Испытания новых систем
обороны иль нападенья.
Словно искры, летят под откос
вести-новости, повести, строфы:
День здоровья и час катастрофы,
«...миллион, миллион алых роз!»
Неожиданно сузился мир.
И владеет людскими умами
не премьер, не пророк, не кумир –
мелкий шрифт новостей
в телеграмме!

* * *

Уставший город тьмою огранён.
Бог вилку позабыл воткнуть
в розетку.
И лишь Орджоникидзевский район
роняет с подоконников подсветку.
Обнажена тугая тишина –
то всплеск, то выплеск, шорохи
да вздохи.
Увы, мой друг, воистину грустна
фантомная мистерия эпохи.
Пересекая сонные дворы,
где врозь живут
и вместе умирают,
не забывай о правилах игры,
которые нас метко выбирают.
А эта ночь и вправду хороша!
Ты, грудь подруги чувствуя,
тревожно
прислушайся – поёт твоя душа
или молчит грешно и осторожно?
Ах, ангел мой в рубашке голубой!
Куда бы мы ни метили, ни плыли –
ах, ангел мой, на краешек любой –
повсюду хватит пламени и пыли,
повсюду хватит зимнего тепла,
земных надежд и лютого терпенья...
Ах, ангел мой, так эта ночь светла,
что видно, как запотевают тени.
Не за себя, а за тебя боюсь,
объятьями измаянная ночью,
обманутая мною наизусть
до самого немого многоточья...

Утро

Светает в шесть.
Покой.
Пора бы и проснуться.
Да не к кому щекой
прощально прикоснуться.

Светает в шесть...
Апрель.
Зимы как не бывало!
И надо бы свирель
продуть, чтоб чище стала.

Светает в шесть.
Шестой...
Всё ближе, ближе к маю.
И жизни смысл простой,
как линия прямая.

Светает в шесть.
Пора.
И время есть подумать:
а надо ли с утра
так выглядеть угрюмо?

* * *

Нет на свете блага, кроме блага
Есть, и пить, и женщину любить.
Только знай: наступит время
плакать,
время ветер за руки ловить.
Ибо всё – томление пустое.
Станут твои волосы седы,
и поймёшь: одна ладонь покоя
лучше двух ладоней суеты!
Разобьётся ворот у колодца,
прилетит и канет вороньё...
Но до дня, когда затмится солнце,
всё для всех и каждому своё.
Семя сей, вставая до рассвета,
верь в кресты и звёзды отчих мест.
...Остальное – только ловля ветра,
ловля ветра неводом небес!

* * *

Мальчики из цехов,
девочки из лабораторий,
слушатели стихов
и заводных историй.

Битые мужики –
только мигни и свистни, –
что ни одной строки
не прочитали в жизни.

Женщины без любви
и с вековой любовью –
вы у меня в крови,
выйдете только с кровью.

Что я один без вас?
Если слабо и с вами.
Вот и пришёл мой час,
а не могу словами...

Время летит стремглав.
Мокнет бельё в корыте.
Кто-то из нас не прав.
Думайте. Говорите.

Последний барак

Оставим,
прославим последний барак –
как память о яростной были!
Здесь жили и пели, кричали «Ура!»,
росли, ревновали, любили.
Оставим барак, и спасибо ему
за добрую к людям заботу.
На высоких стенах – одно к одному
семейные старые фото.

...Когда пробуждалась
уральская глушь
и было от мужества тесно,
барак, как дворец, –
открывали под туш
всех труб духового оркестра!
Фундамент качало, и крыши текли.
Но он-то честнее – поверьте –
расскажет, как здесь,
посредине земли,
творилось Магнитки бессмертье!
Давайте же вспомним
былое добром –
и радости все, и невзгоды.
Оставим барак
и табличку прибьём:
«Здесь жили Тридцатые Годы!»

* * *

В небо глядит молодая, красивая
мама моя, Александра Васильевна,
волос в платок убирая рукой.
Гуси летят над высокой Россиею.
Мама,
накинь свою кофточку синюю –
вечер сегодня прохладный такой.
Пусть не добились чинов мы
и почестей –
матери видят нас так,
как им хочется.
Сами отцы – мы им все сыновья.
Снег упадает на листья осенние...
Мама,
примерь своё платье весеннее –
чтоб молодой тебя помнил и я.
Лбом прислоняясь
к стеклу запотевшему,
вижу сквозь полночь,
уже загустевшую,
свет, что врезается
в тьму напролом.
Непобедимо добро несказанное!
И вспоминается самое-самое:
дым над трубою, семья за столом.
Снег ненадёжный всё сыплет
и кружится...
Тонкою плёнкой
подёрнуты лужицы.
Осень, весна ль –
не сдавайся, держись!
...С фото глядит молодая, красивая
мама моя, Александра Васильевна –
братьям и мне подарившая жизнь.

* * *

Приутихли ветра, задремали,
отыскали себе уголок...
Только в облачном сером провале
тлеет дальней звезды уголёк.

В эту пору, когда мостовые
отзываются даже на взгляд –
спят влюблённые, спят постовые,
сумасшедшие только не спят!

Да ещё одному не лежится –
я такого не видел вовек:
то нахохлится он, словно птица,
то расправится, как человек!

* * *

Уж не взлетят,
не всхлипнут соловьи
с твоей раскрытой,
розовой ладони –
поскольку лишь отсутствие любви
присутствует сегодня в этом доме.

И только глупый ветер гулевой
на сдвоенные стекла налипает.
И лампочки висят вниз головой,
как лампочкам висеть и подобает.

Как холодно сейчас сырой земле!
И холодно, и голодно, и наго.
И ты, душа, подумай о зиме,
а о разлуке, ангел мой, не надо.

И ты, душа, печалью озарив
неубранную бренную халупу,
не говори, прошу, не говори,
не говори, что всё смешно и глупо.

Прекрасна жизнь на вере и ветру.
Дождись, душа, дождя и снегопада.
Всё отпадёт, забудется к утру.
...а о разлуке, ангел мой, не надо.

* * *

Деревья спрятались от ветра.
Сухой снежок, как купорос.
Мы приготовили ответы.
Узнать хотелось бы вопрос.
И ревности, и грусти жженье
я осушу одним глотком!
Мы приготовили спряженья.
Узнать хотелось бы глагол.
Зачем, твою целуя руку,
я понимаю вновь и вновь –
мы приготовили разлуку!
...Узнать хотелось бы любовь.

Краеведение

«Вечный зов... Узян»

Создатели культовой телеэпопеи снимали сибирские пейзажи на Южном Урале

Продолжение. Начало в № 84

В книге «Вечный зов... Узян» (12+) Сергей Мальцев вписывает любимые с детства края в общероссийский культурный контекст. В числе особенно увлекательных страниц этого масштабного и многопланового краеведческого исследования – главы о съёмках культовых отечественных фильмов «Вечный зов» (12+), «Пропавшая экспедиция» (0+) и «Золотая речка» (16+). Сегодня вкратце расскажем о первом из них – а полностью прочесть историю съёмок можно в книге, пополнившей экспозицию Магнитогорского краеведческого музея.

Режиссёры Валерий Усков и Владимир Краснопольский, создавшие киноэпопею по роману Анатолия Иванова, во время съёмок звонили Анатолию Степановичу домой из разных городов, где они снимали фильм, и просили писателя: «В эту сцену надо бы парочку фраз поярче, этому герою нужно ещё слов добавить».

В фильме-драме «Вечный зов» задействованы более 117 актёров. Причём Краснопольский и Усков не боялись брать неизвестных, провинциальных актёров, в том числе и на главные роли.

События в фильме начинают развиваться в сибирском селе Михайловка. «Вечный зов» охватывает историю семьи Савельевых с начала XX века – 1906 года – по середину 60-х годов. Девятнадцать серий снимали на протяжении 10 лет, с 1973 по 1983 год.

Жители Узяна гордятся тем, что многие знаковые эпизоды грандиозной телеэпопеи «Вечный зов» снимались в их родном селе. Там, где улица Чкалова плавно входит в реку Белую, встречаются Анна Кафтанова и Иван Савельев. Анна полощет бельё на деревянных мостках, Иван же собирается отправить двух колхозных лошадей через Белую на другой берег, где удобные травянистые луга.

На крутом берегу реки Белой, между улицами Портнова и Чкалова, где на дальнем плане видны речные перекаты и гора Шишка, Фёдор Савельев уговаривает Кирьяна Инютина украсть лошадей. К колхозникам, заготавливающим сено на горе Овин, подъезжает Яков Алейников – чтобы арестовать Ивана за якобы украденных лошадей. Жена Ивана, Агата Савельева, по сценарию в это время ждёт ребёнка.

Этот драматический эпизод в фильме имел забавные последствия в жизни. Тамаре Дегтярёвой – Агате – для съёмок под платье вешали подушку на бретельках. А узянские жители стали подкармливать «беременную» местными продуктами, так как в магазинах в 70-е годы были пустые полки. Сельчане несли актрисе кто молоко и сыр, кто свежеиспечённый хлеб, а кто и малосольные огурчики.

Вспоминает Татьяна Дегтярёва и другой случай – когда не хватило билетов на авиарейс «Магнитогорск–Белорецк», актрису посадили в самолет, который вёз

Кадр из фильма «Вечный зов»

мороженое. Окоченела в пути, зато не опоздала на съёмки.

Эпизод, в котором Агата по Верхнеуральскому тракту выходит на гору Овин встречать Ивана, предложила режиссёру сама актриса. Бабушка Тамары Дегтярёвой так встречала своего мужа, узнав, что он, раненый, возвращается из Сталинграда.

В наши дни трудно узнать то место рядом с Узянским прудом на фоне Ерастова камня, где раньше стоял деревянный дом Лаврёновых, в котором, по сценарию, жил Панкрат Назаров. Сегодня здесь выстроены современные коттеджи.

Последняя, девятнадцатая серия телевизионной саги «Вечный зов» также начинается с узянского пейзажа: Белая, Доменный луг, гора Овин...

Это лишь несколько эпизодов киноэпопеи, где показано село Узян и его окрестности – места, создающие неповторимый и притягательный мир, в котором живут, трудятся, любят герои фильма «Вечный зов».

Окончание следует.

Сергей Мальцев